Аристотелю, Птоломею, Омиру, не окажется ли мѣста и Толстому, не въ самомъ храмѣ, но при *входѣ* въ храмъ, къ которому онъ приблизилъ нѣкоторыхъ своимъ общерелигіознымъ вліяніемъ.

Но скажутъ: развѣ можно вѣроотступника приравнивать къ тѣмъ, кто жилъ до Христа и лишенъ былъ возможности познать Его? Да, разница эта огромна, и сближеніе, конечно, не должно быть отожествленіемъ. Къ великому плюсу присоединяется здѣсь и великій минусъ, но намъ не дано вѣдать тайны сердца и подводить итогъ; это будетъ сдѣлано одновременно лишь съ тѣмъ, когда будутъ подводиться окончательные и скорбные итоги нашей жизни. Но не болѣе ли отвѣчаетъ христіанскому чувству поискать и своей собственной вины въ притупленіи религіозной прозорливости у Толстого? Вѣдь христіанство есть не одна философія, не одно ученіе, но прежде всего жизнь по вѣрѣ. Какова же наша жизнь? Если мы продолжаемъ требовать безошибочности въ исповѣданіи вѣры, то таковы ли наши требованія отъ жизни и столь же-ли они неумолимы и здѣсь? И вотъ, когда среди насъ появляется человѣкъ, горящій ревностью о вѣрѣ, и видитъ кругомъ себя теплопрохладность, равнодушіе, язычество, не выталкивается-ли онъ тогда изъ нашей среды какъ пробка, погруженная въ воду? Вѣдь Толстой отдѣлялся отъ насъ не однимъ только тѣмъ, что вѣровалъ иначе, чѣмъ мы, но и тѣмъ, что стремился къ жизни по вѣрѣ. „Ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня“ (Пс. 68, 10). Когда дѣлается сравненіе Толстого съ древними еретиками, то вѣдь забываютъ, чему измѣняли эти послѣдніе, отъ какого общенія любви они отрывались, забываютъ, что православіе запечатлѣвалось тогда кровью мученичества или гоненіемъ (вспомнимъ жизнь св. Аѳанасія, этого столпа вселенскаго православія, гоненія иконоборчества и т. д.), а не государственными привилегіями, какъ теперь, и мы поймемъ, насколько эти сравненія пристыжаютъ и насъ. Я какъ нельзя болѣе далекъ отъ того, чтобы сдѣлать безотвѣтственнымъ въ ложныхъ съ церковной точки зрѣнія мнѣніяхъ самого Толстого, который далеко не всегда умѣлъ отличать временное отъ вѣчнаго. Недостатки церковной жизни не могли же къ этому побудить людей съ большой религіозной зрячестью,—напр., Достоевскаго, Гоголя, Вл. Соловьева. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это остается все-таки и нашей виной, нашимъ грѣхомъ, что мы не могли удержать въ своей средѣ Толстого. Можемъ ли мы увѣренно утверждать, что въ немъ